

Глядя на жалкие сорок три вэня, Чжан Бэйтин с трудом удержался от вздоха.

Этих денег не хватило бы даже на то, чтобы выкупить шпильку Сун Яньцина. А если бы после её продажи не осталось немного сдачи, то и за принесённое лекарство расплатиться было бы нечем.

Чжан Бэйтин медленно отсчитал четырнадцать медных монет и отдал мальчику, ожидавшему во дворе.

Тот забрал деньги, напомнил, что отвар нужно выпить после ужина, и ушёл.

Пока Сун Яньцин искал и мыл горшочек для лекарства, Чжан Бэйтин обошёл кухню и проверил запасы.

В рисовом чане оставалось чуть больше десяти цзиней риса, муки — около трёх. Масла и соли тоже почти не было.

Как ни экономь, вдвоём на таких запасах долго не протянуть.

Чжан Бэйтин получил не все воспоминания прежнего владельца тела и понятия не имел, как тот собирался жить дальше.

Но теперь здесь оказался он. И если не хотел умереть с голоду, нужно было найти способ заработать до того, как закончатся оставшиеся двадцать девять вэня.

Сун Яньцин вымыл лекарственный горшочек и, увидев Чжан Бэйтина задумавшимся под виноградной беседкой, некоторое время колебался, прежде чем подойти.

— У нас есть мотыга и тесак для хвороста?

— Сейчас посмотрю.

Чжан Бэйтин не был уверен. Но передний двор явно приводили в порядок совсем недавно, так что, если для этого не нанимали людей, инструменты должны были сохраниться.

Семья Чжан когда-то держала чайные и закусочные, поэтому в доме осталось множество кастрюль, мисок, кувшинов, банок и самых разных кухонных принадлежностей.

После долгих поисков в углу кухни нашлись и старый тесак, и покрытая ржавчиной мотыга.

— А зачем тебе они?

— Утром тётушка Хэ принесла вместе с яйцами пучок зелени и большой пучок лука, прямо с корнями и землёй, — объяснил Сун Яньцин. — Я хочу расчистить немного места на заднем дворе и после обеда посадить лук. Если приживётся, потом не придётся покупать.

Чжан Бэйтин только что подсчитал всё их состояние. Пока способ заработать не найден, сэкономленный вэнь ничем не хуже заработанного.

Он тут же схватил инструменты и направился к заднему двору.

— Сделаем вместе.

— Слишком жарко, — замялся Сун Яньцин. — Ты лучше отдохни в комнате, я сам.

Он явно беспокоился. Чжан Бэйтин даже после миски лапши долго приходил в себя. Что будет, если он ещё и перегреется под солнцем?

— Ничего страшного. Вдвоём быстрее.

Чжан Бэйтин отказался настолько решительно, что Сун Яньцин больше спорить не стал.

А вспоминать о двадцати девяти оставшихся монетах оказалось удивительно бодряще: при одной мысли о них прохлада шла прямо из сердца.

Сун Яньцин мысленно решил просто работать быстрее и взять на себя побольше.

Добравшись до заднего двора, Чжан Бэйтин наконец понял, зачем понадобился тесак.

Двор был примерно такого же размера, как передний. Старые свинарник и курятник развалились. Только отхожее место у стены возле задних ворот, похоже, когда-то ремонтировали. Всё остальное заросло травой едва ли не по пояс — уже невозможно было понять, для чего эта земля использовалась раньше.

Чжан Бэйтин остановился на единственной тропинке и некоторое время просто смотрел на заросли, не зная, с какой стороны подступить.

Сун Яньцин уже принялся срезать траву тесаком.

Вспомнив рассказы о том, что Чжан Бэйтин всю жизнь занимался только книгами и наверняка ничего не понимает в огороде, он предложил:

— Давай сначала уберём траву, а потом вскопаем столько, сколько успеем сегодня. На

оставшейся земле можно будет посадить перец, баклажаны и фасоль — семена купим у тётушки Хэ. Как тебе?

— Хорошо.

Задний двор был просторный. Места хватало, чтобы выращивать любые овощи, которые им нравились.

Из воспоминаний прежнего владельца Чжан Бэйтин знал, что в этом мире уже существовали не только перец, но и кукуруза, картофель, батат и множество других культур. Несколько десятилетий назад первый император Да Цзин, объединив разрозненные государства, отправил корабли далеко за море и привёз оттуда семена.

— Тогда посеем ещё немного листовой зелени, — предложил Чжан Бэйтин. — Она растёт быстрее всего. Если воды и удобрений хватит, молодые листья можно будет снимать уже через пару десятков дней.

Пока они разговаривали, Сун Яньцин успел расчистить небольшой участок. Срезанную траву он аккуратно сложил в стороне — высохнет, пойдёт на растопку.

Чжан Бэйтин немедленно взялся за мотыгу.

Но не успел сделать и нескольких ударов, как его внимание привлекло растение почти по пояс высотой.

Оно сильно ветвилось и одно занимало довольно большую площадь. На верхушках ещё распускались светло-голубые цветки, а внизу уже созрели плоды — маленькие жёлтые фонарики, висевшие на веточках.

Сун Яньцин заметил, что Чжан Бэйтин присел на корточки, и решил, что ему стало плохо от жары. Подойдя ближе, он понял, что тот просто с увлечением рассматривает сорняк.

— Эта трава появилась у нас всего несколько лет назад. Плоды похожи на физалис, только есть их нельзя.

— Можно, — Чжан Бэйтин поднял голову. — Это никандра. Её семена ещё называют семенами для бинфэня. Из них получается очень вкусный холодный десерт.

Сун Яньцин хотел возразить: семена у растения размером едва ли не с кунжут, да ещё и совершенно безвкусные — откуда взяться хорошей еде?

Но Чжан Бэйтин смотрел снизу вверх, лицо блестело от пота, а глаза сияли таким искренним

интересом, что слова сами собой изменились:

— Тогда... может, найдём плетёную корзину и соберём созревшие плоды?

— И растения не руби. Пусть ещё растут.

Чжан Бэйтин выпрямился и только теперь заметил, что никандры среди сорняков очень много.

Он разглядывал россыпь голубых цветов и жёлтых «фонариков» с нескрываемым восторгом.

Они нашли в доме большое плоское плетёное сито и стали аккуратно собирать зрелые плоды.

На каждой веточке их висело столько, что вскоре места на сите уже не осталось.

Из-за сбора никандры они потеряли немало времени. К концу часа Сы успели вскопать меньше четверти двора, но для посадки лука этого хватало с избытком.

Немного отдохнув в доме, Чжан Бэйтин вспомнил, что для приготовления бинфэня нужна гашёная известь.

— Мне нужно кое-что купить. Пойдёшь со мной?

— Я, пожалуй, останусь, — скованно ответил Сун Яньцин.

— У нас же почти не осталось овощей. Пойдём вместе, заодно выберешь, что хочешь поесть.

Произнеся это, Чжан Бэйтин слегка смутился.

В комнате лежали последние двадцать девять вэня. Ещё неизвестно, сколько останется после извести.

— Скажи, чего хочешь, я сам схожу за овощами, — поспешно предложил Сун Яньцин. — Разве можно заставлять мужчину ходить за продуктами? Тем более ты учёный.

Чжан Бэйтин рассмеялся:

— Вместе. Идём вместе.

Он быстро вернулся в комнату за кошельком и прихватил лист сюаньской бумаги.

Сун Яньцин ещё некоторое время смотрел ему вслед, а потом едва заметно кивнул самому себе.

Негашёная известь в этом мире использовалась повсеместно: в лечебницах — для обеззараживания, а в обычных домах её клали в сосуды как осушитель, чтобы продукты дольше хранились.

В ближайшей лавке выяснилось, что один цзинь извести стоит всего два вэня.

Для бинфэня требовалась совсем малая часть.

— Дайте на один вэнь, — сказал Чжан Бэйтин.

Приказчик, увидев перед собой человека в одежде учёного, терпеливо объяснил:

— На один вэнь получится совсем маленький кусок. Если хотите сделать сосуд с известью для хранения вещей, обычно берут три-пять цзиней.

— Мне хватит.

Пока они не начали зарабатывать, каждый вэнь имел значение.

Приказчик больше спорить не стал. Он ловко вытащил из большого сосуда кусок, даже не стал взвешивать и просто протянул Чжан Бэйтину.

— Здесь не меньше половины цзиня.

Чжан Бэйтин развернул принесённую сюаньскую бумагу и тщательно завернул известь.

Приказчик заинтересовался:

— А для чего она вам? Вы так аккуратно её упаковали. Обычно люди, которые берут известь для хранения, просто кидают куски в корзину — лишь бы вода не попала.

— Для...

Чжан Бэйтин уже хотел сказать правду, но вспомнил их положение и изменил ответ:

— Чтобы бумага и тушь не отсыревали.

— А-а, понятно.

Учёные особенно берегли бумагу и письменные принадлежности, поэтому приказчик сразу потерял интерес.

Следующей остановкой стал овощной прилавок семьи Хэ у входа в их переулок.

Покупателей сейчас было много.

Младший сын семьи, Хэ Хай, увидел Чжан Бэйтина с Сун Яньцином и крикнул:

— Брат Чжан, выбирай сам, что нужно!

И тут же повернулся взвешивать овощи другому покупателю.

Большинство людей у прилавка жили неподалёку. Услышав обращение Хэ Хая, одна женщина завела разговор:

— Бэйтин тоже за овощами пришёл? А это кто с тобой?

По взглядам, которыми женщины и гэры вокруг рассматривали их двоих, Чжан Бэйтин сомневался, что они действительно ничего не знали.

Но раз спросили, он спокойно представил спутника:

— Сун Яньцин. Мой фулан.

Услышав слово «фулан», Сун Яньцин недоверчиво поднял на него глаза.

Чжан Бэйтин сказал это почти импульсивно. Но стоило словам прозвучать, как он понял: так даже лучше. Официальное положение фулана избавит их обоих от множества пересудов.

Правда, после этого самому Чжан Бэйтину стало немного неловко смотреть Сун Яньцину в лицо.

— Красивый гэр, — буднично похвалила женщина.

Большинство тех, кто до этого украдкой разглядывал их, отвело глаза.

Но всегда найдётся один-два человека, которые либо действительно ничего не знают, либо очень старательно делают вид.

— Разве ты не должен был жениться на второй барышне Сун? С чего вдруг у тебя фулан?

Чжан Бэйтин ещё не успел ответить, как другая женщина фыркнула:

— Да Сун просто не захотели выдавать за него дочь. Видишь, сегодня третий день после свадьбы, а эти двое вместо визита в родительский дом овощи тут покупают. И так ясно, что семья Сун его презирает.

Только теперь Чжан Бэйтин понял, что со свадьбы уже прошло три дня.

Обычаи Юньяна немного отличались от других мест. На третий день после замужества за женщиной или гёром должны были прийти братья из родительского дома и забрать молодожёна в гости. Если никто не приходил, это означало: человека считают «вылитой из дома водой» и больше не собираются поддерживать с ним отношения.

Чжан Бэйтин сразу посмотрел на Сун Яньцина.

Тот лишь поджал губы. На лице почти ничего не отразилось — словно подобные слова он слышал слишком много раз.

У Чжан Бэйтина неприятно сжалось сердце.

Женщина, увидев, что её игнорируют, продолжила:

— Я бы тоже родную дочь за такого не отдала. Ни тяжести поднять, ни руками поработать. Семья всю жизнь держала закусовые, а он пшеницу от душистого лука не отличит. Говорит, всё учится, учится — а провинциальный экзамен всё равно провалил. Пойдёшь за такого — и поесть будет нечего.

Подобные вещи не говорят просто так. Здесь явно тянулась старая обида.

Люди, выбиравшие овощи, невольно остановились и с любопытством стали поглядывать в их сторону.

Хэ Хай недовольно пробурчал:

— Вы овощи покупать будете? Если нет, не стойте перед прилавком, мне покупателей загораживаете.

— А зачем бы мы тогда сюда пришли?

— Хэ Хай, чего голос повышаешь? Вот расскажу твоей матери — пусть научит тебя манерам.

— Взвесь мне эти баклажаны.

Прилавок вроде бы снова ожил, но взгляды окружающих то и дело возвращались к Чжан Бэйтину и Сун Яньцину.

Сун Яньцин крепко сжал кулаки.

Как эта женщина могла так говорить о Чжан Бэйтине?

Он ведь был хорошим человеком. Делил с ним еду поровну, сам брался за непривычную работу, даже знал, что из неизвестных Сун Яньцину семян можно приготовить бинфэнь.

Чжан Бэйтин словно вообще не слышал оскорблений. Он слегка потянул Сун Яньцина за рукав и показал на разрезанную тыкву:

— Возьмём кусок тыквы?

Хэ Хай был занят весами и крикнул, не оборачиваясь:

— Брат Чжан, отрезай сколько надо сам!

Женщину несколько раз подряд проигнорировали. Лицо исказилось от злости.

— Родить такого бесполезного сына — неудивительно, что твои родители рано сдохли!

Запястье Чжан Бэйтина дрогнуло.

Нож, которым он только что резал тыкву, сорвался с руки, дважды красиво перевернулся в воздухе и с глухим стуком вонзился остриём в разделочную доску прямо перед женщиной.

Лезвие задрожало.

Чжан Бэйтин без выражения посмотрел на неё.

— Скажи ещё хоть слово о моих родителях. Попробуй.

<http://bllate.org/book/20100/1989973>